несделанных работ. Рассмотрев предоставленные бумаги, Строительная контора приняла решение не вычитать с подрядчика Кудрявцева за невыполненные сметные работы и не доплачивать за сверхсметные, и таким образом выплатить в полном объеме контрактную сумму, которое и было утверждено министром Императорского Двора [7]. Этот пример показывает, что в определенных случаях Строительная контора была готова пойти на незначительные уступки подрядчику с учетом таких обстоятельств: преимущество объема выполненного над неосуществленным, а также отказ от требования платы за неучтенные сверхсметные работы, т.е. с точки зрения закона вовсе не существующие.

Рассмотрев ряд аспектов взаимодействия Придворного ведомства с подрядчиками, можно сделать следующие выводы.

МИДв использовало несколько схем способов отбора подрядчиков, в числе которых были как открытые торги, так и закрытые аукционы. При этом предпочтение отдавалось последним, что объяснялось чиновниками как мера, гарантирующая качественное исполнение контракта. Кроме того, закрытые аукционы практиковались в случае срыва открытых торгов из-за неявки подрядчиков или недостаточного снижения цены.

Подрядчики также могли проявлять инициативу, выступая с предложениями о производстве работ для Придворного ведомства. Однако финансовые условия этих предложений оказались неприемлемы для министерства, которое сумело изыскать иные источники финансирования, и эти предложения были отклонены. Таким образом, МИДв старалось избегать попадания в долговую зависимость от частных лиц.

Эксперимент 1863 г. по разделению работ между множеством подрядчиков при перестройке главного здания Академии художеств оказался неудачным, и в 1864 г. произошел возврат к практике оптовых подрядов на большинство работ.

Соблюдение сроков производства работ было одним из главных требований Придворного ведомства к подрядчикам. Тем не менее, в некоторых случая Строительная контора МИДв с пониманием относилась к возникавшим форс-мажорным обстоятельствам, допуская отсрочку сдачи объектов.

Основным поводом к возникновению споров между подрядчиками и чиновниками были сверхсметные работы и условия их оплаты. Согласно Нормальным кондициям оплате подлежали только работы, одобренные Строительной конторой, и несоблюдение этого условия было основным поводом к отклонению петиций подрядчиков об уплате денег за проведенные работы, не предусмотренные первоначальными сметами.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 11.
2. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 27.
3. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 28.
4. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 29.
5. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 34.
6. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 35
7. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 36.
8. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 37.
9. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 38.
10. РГИА. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 39.

УДК 069.02:908(571.1/5):94(47).084

А.А. Зайцева
Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Н.Я. Артамонова

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МУЗЕИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ В 1920 – 1930-Е ГГ. (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В статье проводится сравнительный анализ процессов становления, развития и деятельности краеведческих музеев Хакасии, Тувы и Ойротии в 1920 – 1930-е гг. Автор исследует проблемы и трудности, с которыми столкнулись музеи в начальный период существования, осуществляет анализ состояния фондов, кадровой политики, выставочной деятельности и хозяйственно-бытового положения. В статье показаны общие и особенные черты в жизнедеятельности каждого музея.

Краеведение, краеведческое движение, музей, экспедиция, Хакасия, Тува, Ойротия.

The article carries out the comparative analysis of the processes of formation, development and activity of museums of local lore of Khakassia, Tuva and Oyrotiya in 1920-1930th. The author investigates the problems and difficulties, faced by museums in an initial stage of existence and analyzes the condition of funds, personnel policy, exhibition activity and economic and household situation. The article describes the common and special features of activity of each museum.

Study of local lore, local history movement, museum, expedition, Khakassia, Tuva, Oyrotiya.

История музейного дела, изучение и сохранение позитивного опыта предшественников является в современный период актуальной общественно значимой и научной проблемой. Это связано с измене-

нием роли и места музеев в современной России, ростом национального самосознания общества. Именно перед музеями стоит задача раскрыть во всем многообразии самобытность и уникальность каждого национального региона. Растущая в настоящее время популярность музеев заставляет исследователей обратиться к истокам их организации, к периоду становления и развития. В этом плане накопленный музеями национальных районах Южной Сибири опыт представляет не только исторический, но и практический интерес. Объектом исследования настоящей статьи являются краеведческие музеи Ойротии, Тувы и Хакасии периода 1920 – 1930-х гг. Музеи этих районов объединяет схожий, в то же время специфический, индивидуальный путь развития. Для полного раскрытия темы целесообразно обратиться к сравнительному анализу изучаемых объектов. Как мы убедимся в процессе исследования, эти музеи имели как общие черты развития, так и специфические особенности в функционировании в зависимости от исторической ситуации. Начало деятельности музеев национальных районов Южной Сибири относится к 1920-м гг. Они имели одну точку отсчета, схожий путь становления, одинаковые традиции. Однако у каждого из них имелись отличительные особенности и характерные черты, выявить которые поможет сравнительно-исторический метод. Достоинства этого метода позволяют обнаружить как общие закономерности в развитии краеведческих музеев национальных районов Южной Сибири в 1920 – 1930-е гг., так и особенные, присущие только определенному музею. Термин «опыт (попытка) сравнительного анализа» дает возможность найти общее и особенное в музейном строительстве трех национальных районов.

Как известно, краеведение в Сибири имеет давнюю историю. По мнению О.Н. Шелегиной, оно начало формироваться еще в XVIII в., и главную роль в этом процессе сыграла Академия наук, организовавшая многочисленные экспедиции по изучению Сибирского региона. В XIX в. появились первые издания по истории, экономике, культуре и географии Сибири, в частности, «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Исторический журнал» [13, с. 161] и т.д.

В XIX в. сибирское краеведение развивалось во многом благодаря научной и культурно-просветительской деятельности политических ссыльных. Они осознавали культурную и экономическую ценность Сибирского региона. Это осознание «стало важным рубежом в его познании, завершило оформление локально-исторической практики в краеведческое исследование» [13, с. 161] и явилось предпосылкой для создания в некоторых городах Сибири отделов и подотделов Императорского Русского географического общества (ИРГО). Деятельность отделов и подотделов была сконцентрирована на сборе и распространении знаний по истории, географии, этнографии Сибири. Данные задачи решались в ходе многочисленных экспедиций, организованных членами отделов РГО, Академией наук и другими крупными научными учреждениями.

Плодотворная научно-исследовательская и собирательская деятельность отделов РГО послужила, по существу, отправной точкой при организации музеев в крупных уездных городах Сибири (в Иркутске, Омске, Барнауле, Ачинске, Чите, Троицкосавске-Кяхте и др.) В ряде городов музеи появились независимо от отделов РГО. Так, музей в городе Минусинске Енисейской губернии был организован по инициативе Николая Михайловича Мартьянова – известного исследователя и коллекционера, который своей деятельностью продолжил культурные традиции декабристов, сосланных в Минусинск. Именно Минусинский публичный музей сыграл важную роль в становлении и развитии краеведения и музейного дела в Сибири в конце XIX в. Несмотря на то, что в 20 – 30-е гг. XX в. музей находился в тяжелейшем финансовом и материально-бытовом состоянии, испытывал крайнюю нужду в кадрах, он по-прежнему оставался эталоном для многих музеев Сибири, образцом для подражания. Минусинский музей оказывал существенную помощь краеведческому музею Хакасии в оформлении экспозиций, делился ценными экспонатами с Тувинским краеведческим музеем. Но если Минусинский музей использовал ранее накопленный опыт и в советский период фактически опирался на традиции, сформированные в XIX в., то краеведческие музеи Южной Сибири начинали свою деятельность в 1920 – 1930-е гг. с нуля и формировали уже собственные традиции с учетом требований времени. Этот процесс сопровождался рядом общих трудностей и проблем, позволивших исследовать краеведческие музеи данного региона с позиции сравнительного анализа.

После Октябрьских событий 1917 г. перед советским правительством встала задача сохранения культурного наследия страны. В этом отношении главную роль играли культурные ценности, находившиеся на территории Центральной части советской России. Сибирь же, с точки зрения экономического и хозяйственного потенциала, по-прежнему оставалась слабоизученной территорией, где еще только предстояло выяснить, какое историко-культурное наследие нужно сохранять в этом регионе. В первое двадцатилетие советской власти государство было заинтересовано в выявлении экономических возможностей Сибирского региона, в наличии здесь полезных ископаемых. Немаловажное значение имело и культурное строительство, так как население в большинстве своем было неграмотным. На решение этих проблем и было направлено краеведческое движение. Перед краеведением стояла задача выявления путей «скорейшего устранения фактического культурно-экономического неравенства трудящихся разных национальностей, населяющих эти районы» [10, с. 977].

В первые годы советской власти основной организационной формой краеведения были многочисленные краеведческие общества и кружки. Существовали они в основном в крупных сибирских и центральных городах. Некоторые подобные общества

являлись основой для будущих краеведческих музеев. Не обошел стороной этот процесс и территорию Южной Сибири. Однако в Ойротии (часть территории бывшей Алтайской губернии, а с 1922 г. Ойротская автономная область) формирование краеведческих организаций началось еще в XIX в. и было связано с деятельностью Общества любителей Алтая, созданного в г. Барнауле в 1891 г. Члены общества своей исследовательской и собирательской деятельностью заложили основу будущего Ойротского краеведческого музея. Он был создан в 1918 г. Поводом для его организации послужило приобретение уникальной коллекции С.И. и Н.С. Гуляевых – знаменитых исследователей Алтая.

Тувинская народная республика в силу исторических обстоятельств в той или иной мере повторила основные этапы развития, проходившие в 1920 – 1930-е гг. в Советском Союзе [11]. Первое краеведческое общество здесь возникло в 1925 г. Предпосылкой для его создания «послужила случайная находка в 1924 г. археологических предметов» [1, с. 17] в районе поселка Красноярovка. Здесь были обнаружены многочисленные археологические находки, которые привлекли внимание местного населения к истории своей малой родины. Так было создано общество «Урянховедение», основной задачей которого было изучение истории, географии, экономики, культуры местного края и распространение этих знаний среди местного населения. Следует отметить, что коренные жители принимали активное участие в работе обществ: передавали в дар традиционные предметы быта, сообщали об археологических находках, делились сведениями «о революционном и партизанском движении в крае» [1, с. 18]. Председателем общества стал консул СССР в Тувинской народной республике И.А. Чичаев, с отъездом которого деятельность «Урянховедения» фактически прекратилась. Но все же «краеведы Тувы внесли большой вклад в становление музейного дела» [4, с. 306] и организовали в 1926 г. первый музей, который «по своему типу был комплексным и действовал на общественных началах» [4, с. 306]. По сути, он был предшественником созданного в 1929 г. краеведческого музея.

В Хакасии краеведческое общество было создано в ноябре 1928 г. по решению Окружного исполнительного комитета (окрисполком). В задачи общества входило исследование экономики, быта и культуры хакасов. Отделения общества были созданы в Таштыпе, Аскизе и других населенных пунктах. Члены общества (Бытотов Г.П., Макаров Г.К., Самрин К.К. и др.) понимали, что для более плодотворной краеведческой работы необходимо организовать музей. На организационном заседании комитета содействию Хакасскому окружному музею (февраль 1929 г.) было принято решение о его создании в поселке Усть-Абаканском.

Период становления краеведческих музеев Хакасии, Ойротии и Тувы не был гладким. Эти музеи столкнулись с рядом трудностей и проблем, связанных с плохим финансированием, отсутствием квалифицированных кадров, а иногда и с равнодушием к их деятельности со стороны местных органов власти. В одних регионах отдельные проблемы стояли наиболее остро, в других – менее. Особенно насущно перед музеями Южной Сибири стоял вопрос о помещениях. Иногда под музеи выделяли помещения, не имевшие элементарных условий для хранения и экспонирования музейных коллекций. Здания не охранялись, подвергались кражам и поджогам. Так, Ойротский краеведческий музей в первые годы своего существования не имел подходящего помещения для того, чтобы разместить богатую коллекцию Гуляевых. По этой же причине «терялись экспонаты и описи предметов» [3, с. 34]. Нередко сотрудникам музея элементарно негде было жить, и для этого и так небольшие помещения музея были переоборудованы для их проживания. Примером послужит также Ойротский музей, в его здании «в течение нескольких лет проживала сторожиха музея Ремизова» [7, л. 24].

Серьезную помощь и поддержку краеведческим музеям Южной Сибири в период их становления оказывали крупные центральные научные учреждения СССР. Так, например, правительство Тувинской народной республики (ТНР) обратилось в Академию наук СССР с просьбой о помощи в комплектовании фондов краеведческого музея. Сам директор музея Владимир Петрович Ермолаев пытался наладить сотрудничество с музеями Советского Союза. Во время нескольких командировок в 1929 г. Владимир Петрович лично встречался с известными учеными разных областей науки – академиками С.Ф. Ольденбургом, А.Ч. Ферсманом, палеонтологом М.В. Павловой и др. Расширение связей Тувинского краеведческого музея дало возможность получить в дар различные экспонаты и материалы. Например, Минералогический музей (г. Москва) передал Тувинскому музею коллекцию минералов, которая помогла «при определении местных материалов» [1, с. 25].

Ойротский краеведческий музей также стремился установить отношения с центральными научными и музейными учреждениями. Так, в одном из писем (10 июля 1927 г.) непременному секретарю Академии наук СССР академику С.Ф. Ольденбургу заведующий музеем Салтыков пишет, что «Ойротский областной музей в настоящее время почти не обладает материальными ресурсами и крайне нуждается в новейшей литературе по Алтаю» [5, л. 26] и просит выслать некоторые издания.

Хакасскому краеведческому музею значительную помощь оказал на первых порах его становления Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова. Из его фондов Хакасии были переданы редкие фотографии и экспонаты по этнографии. Практическую помощь в оформлении экспозиций музея Хакасии в 1930-е гг. оказала археолог Минусинского музея Варвара Павловна Левашова. Таким образом, в музее был заложен фундамент будущего археологического отдела.

С конца 1920-х гг. краеведческое движение в стране начало приобретать «производственный» характер. Это явление было связано с изменившейся

политической обстановкой в стране и усилением роли государства во всех сферах жизни общества. Большое влияние на направления краеведческой работы, деятельности музеев в целом оказала начавшаяся индустриализация страны. Краеведческие общества попали под пристальное внимание органов советской власти. В марте 1930 г. состоялась IV Всесоюзная краеведческая конференция. В ходе ее работы советское краеведение получило конкретный объект для изучения: «природу, общественную жизнь и труд (человеческое общество как производительную силу)» [12, с. 4]. Решения данной конференции фактически наметили разгром краеведения в конце 1930-х гг., так как строго ограничили рамки краеведческих исследований и, по сути, лишили краеведов свободы творчества.

В связи с изменением характера краеведения были изменены основные направления в деятельности краеведческих музеев. Основная деятельность была направлена на оформление экспозиций, посвященных производительным силам края. Так, в отчете о работе Ойротского областного музея за 1932 г. сообщалось о том, что в условиях отсутствия у музея просторного помещения, в одной из трех небольших комнат был размещен «только отдел производительных сил и подотдел местной промышленности» [6, л. 1]. В этом же документе отмечалось, что музей провел работы «по коренной перестройке экспозиций» и «работы по исследованию производительных сил края» [6, л. 12 об.].

С начала 1930-х гг. началось практическое изучение территории Сибири. Активизировалась работа по выявлению полезных ископаемых и проведение геологических исследований. Была проведена геологическая съемка территории Кузнецкого Алатау, Западного Саяна и Минусинской котловины. «Начались и стематические исследования недр Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих горных систем» [8, с. 161].

Выявлением полезных ископаемых занимались и в Ойротии. В 1935 г. Ойротским краеведческим музеем был организован массовый геологический поход. Музей оказывал разнообразную помощь экспедициям похода, который занимались сбором минералогической коллекции. «Большинство собранных материалов в результате проведения геопохода поступило в музей» [9, с. 23].

Во второй половине 1930-х гг. в краеведческих музеях Южной Сибири началось проведение выставок, посвященных социалистическому строительству. Такие выставки демонстрировали достижения различных отраслей промышленности и успехи в культурном строительстве. Со второй половины 1930-х гг. в деятельности краеведческих музеев национальных районов Южной Сибири стали заметны кризисные явления. Так, в Тувинском краеведческом музее в 1934 г. началась частая смена руководства, причем новые руководители зачастую не имели никакого отношения к музееведческой деятельности. Музей, таким образом, постепенно приходил в упадок.

Музей Ойротии в 1934 г. был подвергнут тщательной проверке ОГПУ, в ходе которой из фондов была изъята часть экспонатов периода Гражданской войны. В последующем и библиотека музея подверглась «чистке»: изъяли устаревшую литературу с якобы контрреволюционным содержанием [2].

Самой трудной из многочисленных проблем в работе краеведческих музеев Южной Сибири в 1920 – 1930-х гг. было отсутствие квалифицированных кадров. Очень часто во главе музеев были люди, командированные из крупных городов. Например, Владимир Петрович Ермолаев до назначения директором Тувинского краеведческого музея являлся сотрудником Красноярского краеведческого музея. Директором Ойротского краеведческого музея в 1930-х гг. являлся известный советский археолог из Ленинграда Сергей Михайлович Сергеев. С 1939 г. директором Хакасского краеведческого музея был назначен этнограф Петр Иванович Каралькин. Благодаря этим личностям, понимавшим истинное значение краеведческого движения, назначение музея для территории Сибири, в национальных районах Южной Сибири развивалась краеведческая работа, а музеи объединяли вокруг себя людей, «болеющих» за судьбу своего края. Однако довольно часто руководством музея занимались люди, не имеющие никакого отношения к музейному делу. Это накладывало отпечаток на формирование и хранение музейных коллекций, координацию краеведческой деятельности и отрицательно сказывалось на достижениях в области краеведения.

Таким образом, сравнительный анализ истории становления и деятельности краеведческих музеев Южной Сибири в 1920 – 1930-х гг. показал, что, во-первых, основой для будущих краеведческих музеев были краеведческие общества, которые заложили основные традиции краеведческого движения в том или ином регионе, как то: участие местного населения в краеведческой работе, сбор различных материалов и предметов по истории края и т.д.; во-вторых, краеведческие музеи в условиях отсутствия близ расположенных научных учреждений, налаживали тесное сотрудничество с центральными научными и культурными учреждениями (особенно большая помощь оказывалась Тувинскому краеведческому музею). Их помощь была неоценимой и позволяла музеям расширять свои коллекции. Хакасскому краеведческому музею помогал Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова, который имел огромный опыт краеведческой работы. Сотрудничество этих двух музеев стало своеобразной традицией, которая существует и по сей день. В-третьих, краеведческие музеи в период своего становления столкнулись с рядом материальных и бытовых трудностей: отсутствие нормальных помещений (особенно остро эта проблема стояла перед Ойротским краеведческим музеем), плохое финансирование и т.д. Все это позволяет говорить о том, что краеведческие музеи национальных районов Южной Сибири, несмотря на некоторые особенности становления каждого из них, в целом прошли один и тот же путь своего развития.

Это связано с географическими рамками их существования, с общностью культурных традиций и т.д.

Источники и литература

1. *Дыртык-оол, А.О.* История музейного дела в Туве (1920 – 1940-е годы) / А.О. Дыртык-оол. – Кызыл, 2007.

2. *Еркинова, Р.М.* Г.И. Чорос-Гуркин у истоков формирования музейных коллекций / Р.М. Еркинова, А.В. Анохин // Анохинские чтения: Материалы пятой научной конференции, посвященной 90-летию НМРА (30 – 31 октября 2008 г.). – Горно-Алтайск, 2008. – С. 6 – 18.

3. *Еркинова, Р.М.* История создания и современное значение Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина / Р.М. Еркинова // Хранители наследия: Вып. 1. – Барнаул, 2003. – С. 34 – 36.

4. История Тувы: В 3 т. Т. II / под общ. ред. В.А. Ламина. – Новосибирск,2007.

5. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). – Ф. Р-64. – Оп. 1. – Д. 8.

6. КПДА РА. – Ф. Р-64. – Оп. 1. – Д. 16.

7. КПДА РА. – Ф. Р-64. – Оп. 1. – Д. 72.

8. *Никольская, Л.А.* Географическое изучение Хакасской автономной области за 50 лет Советской власти / Л.А. Никольская // Вопросы социально-экономического развития Хакасии. – Абакан, 1968. – С. 158 – 170.

9. *Полтева, Т.И.* Сергеев Сергей Михайлович – заведующий Ойротским государственным областным краеведческим музеем / Т.И. Полтева // Материалы Анохинских краеведческих чтений 2003 г. (сборник научных статей). – Горно-Алтайск, 2004. – С. 20 – 24.

10. Сибирская советская энциклопедия: В 3 т. Т. 3 / Гл. ред. Б.З. Шумяцкий. – Новосибирск, 1931.

11. *Харунов, Р.Ш.* Формирование интеллигенции в Тувинской народной республике (1921 – 1944 гг. / Р.Ш. Харунов. – Абакан, 2009.

12. *Харчевников, А.* IV краеведческая конференция РСФСР и пути краеведения в Хакасско-Минусинском крае / А. Харчевников. – Минусинск, 1930.

13. *Шелегина, О.Н.* Краеведение / О.Н. Шелегина // Историческая энциклопедия Сибири в 3 т. Т. 2. / Под ред. В.Р. Ламина. – Новосибирск, 2009. – С. 161 – 165.

УДК 902

Н.В. Косорукова

КОСТЯНАЯ ПОДВЕСКА-ПТИЧКА ИЗ ТОРФЯНИКОВОЙ СТОЯНКИ КАРАВАИХА 4 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

В статье рассматривается археологическая находка – костяная подвеска-птичка из торфяниковой стоянки Караваиха 4 эпохи раннего неолита, в том числе условия залегания, типологическое описание, аналогии, проблемы датировки, значение образа водоплавающей птицы в истории.

Торф, сапропель, стоянка, неолит, подвеска.

The paper deals with the archaeological find – the bone bird pendant from the peat site Karavaikha 4 of the Early Neolithic era. The paper considers the conditions of deposition, the typological description, similar pieces, the problems of dating, the symbolic meaning of the waterfowl image in historical perspective.

Peat, sapropel, site, Neolithic, pendant.

Статья посвящена интересной археологической находке, которая представляет собой костяную подвеску-птичку, найденную на стоянке каменного века Караваиха 4. Стоянка Караваиха 4 находится в Кирилловском районе Вологодской области на левом берегу р. Еломы в бассейне оз. Воже, примерно в 18 км от впадения Еломы в озеро (оз. Воже расположено на севере Вологодской области, представляет собой довольно крупный водоем в центральной части Русского Севера). Памятник открыт в 2002 г. объединенной археологической экспедицией Череповецкого государственного университета и Череповецкого музейного объединения под руководством Н.В. Косоруковой, раскопки ведутся с момента открытия до настоящего времени [4], [5], [12], [18] и др. Площадь, исследованная раскопками, составляет 411 кв.м. Стоянка расположена на низком болотистом берегу; можно отметить, что низкие заторфованные, болотистые, покрытые кустами и кочками берега рек и озер характерны для всей системы оз. Воже. Стоянка Караваиха 4 представляет очень интересный памятник. Во-первых, это стоянка торфяниковая, здесь найдены предметы из кости, рога, дерева и других органических материалов, которые не могут сохраниться на памятниках с песчаным слоем, и эти находки имеют отличную сохранность, а отдельные категории их (наконечники стрел, копий, пешни и др.) образуют серии. Во-вторых, большая часть находок из этого памятника относится к эпохе раннего неолита, памятники которой, известные на территории Вологодской области в настоящее время, единичны. На стоянке Караваиха 4 найдено немногим более двадцати фрагментов ранненеолитической керамики. В-третьих, здесь выявлены сооружения из деревянных столбов, устроенные в древних, ныне полностью заторфованных заливах-ручьях, интерпретированные как рыболовные ловушки, причем западины со столбовыми конструкциями были перекрыты завалами дерева (рейки, плашки, нетолстые бревна и т.п.).